

НОВЫЙ ШЕДЕВР ЕВРОПЕЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ЧИТАЙТЕ ВСЕ КНИГИ ОЛИВЕРА ПЁТЧА:

СЕРИЯ «ДОЧЬ ПАЛАЧА»

Дочь палача

Дочь палача и черный монах

Дочь палача и король нищих

Дочь палача и ведьмак

Дочь палача и дьявол из Бамберга

Дочь палача и театр смерти

Дочь палача и Совет Двенадцати

ОТДЕЛЬНЫЕ РОМАНЫ

Крепость королей. Проклятие

Крепость королей. Расплата

Заговор Людвига

Сети Сатаны

ОЛИВЕР
ПЁТЧ

ФАУСТ

сети
саманы

МОСКВА
2019

УДК 821.112.2-312.4
ББК 84(4Гем)-44
П29

Oliver Pötzsch
DER SPIELMANN

© by Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin.
Published in 2018 by List Verlag

Дизайн серии и переплета *Андрея Саукова*

Иллюстрация на переплете *Виталия Аникина*

Пётч, Оливер.

П29 Фауст. Сети сатаны / Оливер Пётч ; [перевод с немецкого Р. Н. Прокурова]. — Москва : Эксмо, 2019. — 672 с. — (Новый шедевр европейского детектива).

ISBN 978-5-04-104124-3

Легенды о докторе Фаусте, маге и чернокнижнике, ходили по Европе с конца XV века. Их увековечила бессмертная драма Гёте, в которой главный герой ради достижения своей мечты продает душу сатане. Однако Фауст — не литературная выдумка, а совершенно реальная личность. Именно так о нем рассказывает Оливер Пётч — блестящий рассказчик и замечательный исследователь немецкой старины. Как о человеке, искавшем свое истинное предназначение — и повстречавшем на этом пути Зло...

1486 год. Книтлинген, тихий городок в земле Баден-Вюртемберг, оставался таким до того дня, когда в него приехал маг и астролог Тонио дель Моравиа и внезапно стали пропадать дети. Но юный Иоганн Георг по прозвищу Фауст не придавал этому значения, ведь таинственный чужестранец занимал все его помыслы. Мальчика словно волшебной силой тянуло к этому странному человеку с черными, пронизывающими глазами. Тот пообещал Иоганну великое будущее ученого. И Фауст отправился вместе с ним в странствия по немецким землям, впитывая все, чему учил его Тонио. Однако учение это таило в себе необъяснимую опасность. Вскоре Иоганн догадался, что наставник связан с темными силами. Силами, которые определяют всю дальнейшую жизнь Фауста...

УДК 821.112.2-312.4
ББК 84(4Гем)-44

© Прокуров Р.Н., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-104124-3

*Алиахмаду Ализаде,
умному и амбициозному, как Фауст,
и столь же милому и жизнерадостному,
как Маргарита.
Не гладок путь от земли к звездам.*

Народец! Черт меж них, а им не догадаться:
Хоть прямо их за шиворот бери.

*Иоганн Вольфганг Гёте
«Фауст»¹*

¹Акт I, сцена 5, Мефистофель (пер. Н. А. Холодковского).

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Об этом человеке, который на рубеже XV и XVI веков скитался по немецким землям, сохранилось не так уж много сведений. Но из скудных источников и бесчисленных легенд, которыми овеяна его личность, историки пришли к заключению, что этот человек существовал в действительности. Это был величайший маг своего времени, авантюрист и знахарь, умный и начитанный, как десяток ученых, и коварный, как Борджа¹. Едва ли не сразу после его жуткой гибели появилась книга, которую по праву можно считать первым немецким бестселлером. Его имя увековечено в пьесах Кристофера Марло и Иоганна Вольфганга Гёте, он был неизменным персонажем уличных постановок. Его фигура по сей день служит олицетворением неумолимого и честолюбивого человека, который заключает сделку с дьяволом, получает от него признание и богатство — и в конце концов платит за это собственной душой.

Его имя — Иоганн Георг Фауст.

И вот его подлинная история.

¹ Борджа (или Борджиа) — испано-итальянский дворянский род из Валенсии в короне Арагона, правители города Гандия. Это имя стало синонимом распущенности и вероломства.

ПРОЛОГ

*Книтлинген в Крайхгау, 27 октября
1486 года от Рождества Христова*

Осенью, когда стали пропадать дети, в город заявили артисты.

Маленький Иоганн стоял в нише у Верхних ворот и с разинутым ртом смотрел на шумную процессию. Словно крошечная армия, в пестрых нарядах, с песнями и плясками артисты прошли мост над болотистым рвом, пересекли открытые ворота и наполнили Книтлинген жизнью. Впереди шествовали музыканты со свирелями, волынками и тамбуринами; вокруг них кувыркались два смуглолицых акробата чужеземной наружности. За ними следовали канатоходцы в масках, горбатый карлик в шутовском наряде; фехтовальщики рассекали воздух мечами, и гигант вел на цепи настоящего косматого медведя. Иоганн не видел прежде ничего подобного! Казалось, сам кайзер прибыл в их маленький городок. Приземистые каменные дома засияли вдруг незнакомым доселе блеском, экзотический аромат защекотал ноздри — аромат большого мира.

Один за другим артисты проходили мимо Иоганна. Их провожала ватага ребятишек, которые, как и он, с нетерпением ждали этого дня. Один из канатоходцев подмигнул ему, кто-то рассмеялся и пихнул его локтем, отчего Иоганн попятился назад. Он только теперь осознал, что стоит, разинув рот, посреди улицы. Повозки катили прямо перед его носом, колеса оставляли глубокие борозды в размякшей от

прошедших дождей земле. С лесистых холмов на город напал холодный туман, но Иоганн этого даже не чувствовал: он не мог отвести глаз от бесконечного потока людей, повозок, лошадей и быков, с шумом вливавшегося в Книтлинген.

«Откуда же они держат путь? — думал Иоганн. — Из Нюрнберга? Или с земель по ту сторону Альп? А может, и вовсе из-за моря? Оттуда, где обитают гигантские моллюски, львы и драконы...»

Его собственный мир ограничивался ближайшими холмами вокруг Крайхгау, и за ними начинались мифы, сказки и легенды. Мама, когда у нее доставало сил, рассказывала ему истории — о спящем кайзере Барбароссе, о рыцарях, гномах и королевах фей, о злобном старике в лесу, рейхстагах в Аугсбурге и Нюрнберге и пышных празднествах. Иоганн сидел у нее на коленях и прислушивался к мягкому голосу.

За артистами следовали многочисленные торговцы: одни ехали на тряских повозках, другие горбились под тяжестью заплечных корзин. Каждый год в день Симона и Иуды, праздник двух апостолов, они ставили свои лотки вдоль Рыночной улицы, протянувшейся от Верхних ворот до церкви Святого Леонарда. Осенняя ярмарка была самой крупной в Книтлингене, наряду с ярмаркой, устраиваемой в четвертое воскресенье после Пасхи. Торговцы стекались из Бреттена, Пфорцхайма и даже из далекого Гейдельберга.

Несколько долгих недель Иоганн ждал этого дня. Ему было восемь лет — и о прошлогодней ярмарке сохранились лишь отрывочные воспоминания. Еще ранним утром он прибежал к воротам, боясь упустить первых артистов, торговцев и старьевщиков. Но только теперь, ближе к полудню, они наводнили округу. Когда последний торговец прошел через ворота, Иоганн последовал за караваном в город. Рыночные зазывалы толкались за лучшие места возле церкви. Бородатый, уже изрядно пьяный проповедник, взобравшись на бочку, возвещал о скором конце света. Музыканты играли задорные мелодии, под громкий стук возле трактира «У льва»

откупорили первый бочонок вина. Кругом стоял запах пивного сула, молодого вина, конского пота и дыма. Из многочисленных харчевен тянуло соблазнительными ароматами. В воздухе уже ощущалось дыхание зимы. Крестьяне говорили, что от праздника Симона и Иуды она и начинает стучаться в двери — негромко, но настойчиво.

К такому дню весь Книтлинген принарядился. Зажиточные крестьяне были в белых бархатных рубашках и мантиях, какие надевали в церковь. Женщины прибрали волосы и покрыли головы опрятными чепцами. Иоганн с трудом прокладывал себе дорогу сквозь шумную толпу. Время от времени навстречу попадались другие ребята — рыжие близнецы Йозеф и Макс, сыновья пекаря, широкоплечий сын кузнеца, в свои двенадцать лет сильный, как бык, и тощий Ганс из «Орла», трактира у самого рва. Но, как это часто бывало, дети сторонились его или шептались, стоило ему пройти мимо. Иоганн настолько привык к этому, что перестал обращать на них внимание. Лишь временами, когда он, погруженный в мечты, бродил по лесам, что раскинулись вокруг Книтлингена, сердце у него сжималось от тоски.

Мама говорила, что ему и не стоит оглядываться на других ребят. Он, по ее словам, особенный, не такой, как все, умнее и смысленнее остальных. Благородных кровей, как заявила она однажды, — хоть Иоганн и не понял, что мама хотела этим сказать.

И действительно, в школе при госпитале ему довольно быстро наскучило — а ведь он не проходил туда и года. Остальные ученики потели над счетом и чтением, с трудом заучивали куцые выдержки из катехизиса — Иоганну же все это давалось с удивительной легкостью. Порой он даже поправлял учителя, желчного старика, который одновременно исполнял обязанности пономаря. Постоянно задавал вопросы — о других странах, о ходе небесных тел, о силе воды... Но, о чем бы он ни спрашивал, у учителя не находилось от-

вета. А когда другие мальчишки колотили Иоганна, он стоял в сторонке и украдкой ухмылялся.

— Гляди, куда прешь, коротышка! Еще раз наступишь на ногу — физию тебе расквашу, умник!

Людвиг, сын местного фогта¹, пихнул его в живот. Иоганн скорчился, хватая воздух ртом, но отвечать не стал. Людвиг был на два года старше и выше почти на две головы. Иоганну вновь вспомнились слова матери. Если он, в отличие от других ребят, и вправду был благородных кровей — почему же Господь сотворил его таким щуплым? Он с удовольствием разменял бы часть своего ума на малую толику силы, единственной разменной монеты, которая имела ценность у детей.

— Проваливай с глаз долой! — прорычал Людвиг, выковырив застрявший между зубами кусочек колбасы; с его подбородка капал жир. — Подтирайся своими книжками и не пугайся у других под ногами!

Иоганн поспешил убраться, пока Людвиг снова не ударил его. Наконец-то ему удалось протолкаться к небольшой площади перед церковью. Артисты тем временем успели соорудить сцену — несколько крепких досок, уложенных на четыре бочки, на которых они похвалялись своими умениями. Один музыкант стучал в барабан, другой бил в медный таз, объявляя следующий номер. В эту минуту выступали жонглеры. Они подбрасывали ввысь разноцветные шары и горящие факелы и подхватывали их в последний момент — к ужасу и радости зрителей.

Иоганн хлопал от всей души. После жонглеров появился горбатый карлик. Он пропел несколько стишков о вине, женщинах и песнях, после чего великан окунул его в большую, как бочка, кружку. Горожане смеялись и гадали, так что Иоганн даже не услышал тонкого голоса, прозвучавшего рядом. Только когда его дернули за ухо, он вздрогнул. В пер-

¹ Фогт — в средневековой Германии чиновник, наместник императора; различались городской фогт и земский фогт (он же судья).

вый миг он решил, что это Людвиг вновь решил задать ему взбучку.

— Эй, оглох? Это тебя артисты так околдовали, что ты стоишь тут столбом и таращишься?

Иоганн обернулся — и улыбнулся с облегчением. Рядом с ним стояла Маргарита, младшая сестра Людвига. На ней было серое платье, и белоснежный подол уже был забрызган грязью. Соломенного цвета волосы, как всегда, падали ей на лицо. Из всей ребятни в Книтлингене Маргарита едва ли не единственная водилась с Иоганном. Она уже дважды выгораживала его перед мальчишками, грозилась пожаловаться отцу, и даже Людвиг ее слушался. Хотя впоследствии Иоганн получал еще больше тумаков, ему было уже не так обидно. Он просто закрывал глаза и думал о Маргарите, о ее волосах, светлых, как солома под летним солнцем. Правда, была одна сложность: всякий раз, когда Маргарита заговаривала с ним, Иоганн словно терял дар речи. Прямо напасть какая-то! Вот и теперь он не сумел вымолвить ни слова.

— Тебе нравятся артисты, верно? — спросила Маргарита и надкусила большое румяное яблоко.

Иоганн молча кивнул. Тем временем она продолжала с набитым ртом:

— А ты знаешь, что шутов и артистов считают отродьями сатаны? — Тут ее передернуло. — Это в церкви так говорят. Кто пляшет под их музыку, того они спровадят прямиком в ад... — Она невольно понизила голос и перекрестилась. — Может, это они и прибрали к рукам тех детей... С них станется.

— Не говори глупостей! — возмутился Иоганн. — Их загрызли волки, охотники так и говорят. А уж им-то куда видней!

Несмотря на царящее вокруг веселье, он поежился, словно стоял один посреди дремучего леса. За последние несколько недель пропали уже четверо детей: семилетний Фритц из Книтлингена, его пятилетний брат и еще две девочки из соседнего Бреттена. Обе бреттенские девочки играли в лесу;

Фритц и маленький Петер, сыновья мясника с рыночной улицы, водили свинью в расположенную неподалеку дубраву, и свинья вернулась одна. Люди в большинстве своем решили, что детей сожрали дикие звери. Другие рассказывали об изголодавшихся, на все готовых преступниках, которые оленине предпочитали нежное детское мясо. Кое-кто видел столб дыма с окраины лесистого холма и даже уловил в воздухе запах жженого мяса...

Иоганн стиснул зубы и молча следил за выступлениями. Со стороны жаровен на них потянуло дымом, и ему вдруг стало дурно.

Жженое мясо...

Его раздумья прервал благоговейный ропот. Маргарита схватила Иоганна за руку, и его пробрала дрожь. Он и сам не сообразил бы, что послужило тому причиной — прикосновение подруги или же мысли о пропавших детях.

Или картина, представшая перед его глазами.

— Видишь, что я тебе говорила? — прошипела Маргарита. — Ты только посмотри на него! Он будто напрямик из ада сюда явился.

Человек, который стоял теперь на сцене, действительно походил на демона преисподней. Он был высокого роста и тощий; лицо казалось до того бледным, словно в нем не осталось ни капли крови, а резко очерченный нос придавал ему сходство с ястребом. Черно-красный плащ колыхался за его спиной подобно крыльям летучей мыши, а голову венчала черная широкополая шляпа с красным пером, как у странствующего схоласта.

Но ужас наводили его глаза, черные, как вода в бездонной топи. Это были глаза древнего старца, усаженные в молодое лицо. Он обвел взором шумную толпу, и зрители внезапно притихли. В какой-то момент Иоганн почувствовал на себе его взгляд — как прикосновение цепких пальцев. Затем незнакомец медленно и торжественно поднял голову и посмотрел на затянутое облаками небо. Стал накрапывать дождик.

— Звезды... — начал он, и голос его прозвучал тихо и в то же время столь внушительно, что слышно было даже с дальнего края площади.

Он произносил слова мягко, сглаживая звуки, — так говорили порой путники, приходившие с Запада.

— Звезды не лгут! Сейчас, днем, их не видно, но они там. Светят над нами, указывают путь — путь, предопределенный для каждого из нас... — Он выдержал театральную паузу и снова обвел взглядом толпу. — *Ah, oui c'est vrai!*¹ Я могу разглядеть предназначенное вам, ибо я — магистр семи искусств и хранитель семи печатей! Доктор запретных наук Краковского университета!

— Колдун, — прошептала Маргарита. — Так я и думала!

Иоганн не ответил. Он прислушивался к каждому слову жуткого незнакомца, который, словно проповедник, раскинул руки и продолжил.

— Кто-нибудь из вас желает узнать свое будущее? — спросил он громко. — Любой вопрос за крейцер, — он тонко улыбнулся. — Кому я предскажу скорую смерть, тот свободен от платы.

Некоторые из зрителей рассмеялись, но прозвучало это глухо и неуверенно. Над площадью нависла гнетущая тишина. Наконец вперед вышел молодой коренастый крестьянин, и прорицатель пригласил его на сцену.

— О чем ты хочешь знать? — спросил он изрядно оробевшего парня, и грязная монета между тем сменила хозяина.

— Я, ну... — начал, запинаясь, крестьянин. — Я и Элизабет... мы уже второй год как поженились. Но Господь до сих пор не одарил нас детьми. Я хочу знать, улыбнется ли нам судьба.

Незнакомец взял его руку — мозолистую, отмеченную тяжелой работой лапу — и склонился над ладонью. Выглядело это так, как будто он обнюхивал кожу, даже облизнул ее, как

¹ Истинно так (*фр.*).

зверь лижет соляной камень. Некоторое время прорицатель водил пальцем по ладони и при этом что-то бормотал себе под нос. Наконец он выпрямился.

— Твоя жена понесет еще до следующей весны. У вас будет мальчик! И он будет здоровым и крепким, потому как родится под знаком Рыб. Так говорят звезды!

Он вскинул руку, и, словно из ниоткуда, в небо взмыл черный ворон. Люди вскрикнули в изумлении; старая служанка в отдалении упала в обморок.

Крестьянин с низким поклоном удалился, и на сцену поднялся еще один страждущий. Иоганн словно замороженный наблюдал, как зловещий прорицатель посулил хороший урожай и удачную постройку дома, посоветовал правильный день для посева и пообещал еще троих здоровых детей. Еще две вороны вспорхнули с его пустой, казалось бы, руки, на пол сыпались карты со странными кроваво-красными символами, а из своей шляпы он вытянул живого черного кота. Иоганн так увлекся, что перестал дышать. Ничего подобного он прежде не видел. Этот человек, должно быть, и впрямь колдун! Он их всех околдовал, и теперь они под его чарами...

Когда все пророчества были сказаны, незнакомец поклонился и гордо сошел с помоста. На сцене появились акробаты и стали показывать свои трюки. Но что бы они ни выделывали, как ни старались — Иоганну все казалось пошлым и неинтересным. Он стал свидетелем подлинного волшебства, увидел изнанку земного мира! И что же, теперь все закончилось? Иоганн вздохнул от разочарования. Даже присутствие Маргариты не подняло ему настроения. Она по-прежнему стояла рядом, держа его за руку. Веселые арлекины и жонглеры явно нравились ей больше, чем зловещий прорицатель.

— Как он это проделал? — повторял то и дело Иоганн, скорее самому себе. — Как он проделал это? Как он запустил в небо ворона и ворон? Откуда он наколдовал кошку? В чем его секрет?